В. К. ГАРДАНОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У АДЫГОВ В XVIII —ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Первый вопрос, который встает перед исследователем хозяйственного строя адыгов в XVIII — первой половине XIX в., это вопрос о соотношении земледелия и скотоводства у адыгов в то время. Вопрос этот достаточно запутан в литературе и до сих пор еще является дискуссионным среди специалистов. Так, например, в «Очерках истории Адыгеи», изданных в 1957 г., утверждается, что в XVIII в. «ведущей отраслью» сельского хозяйства адыгов «продолжало оставаться животноводство», а земледелие, «как и прежде..., занимало второе место» [1]. Противоположного мнения придерживается М. В. Покровский, который в своей статье «Адыгейские племена в конце XVIII —первой половине XIX века», опубликованной в 1958 г., указывает на древность земледелия у адыгов и на его развитой характер в XVIII — первой половине XIX в.[2]

В исторической литературе 1950-х гг. различные точки зрения были высказаны также и о роли земледелия в хозяйственной жизни кабардинцев в первой половине XIX в.[3]

Некоторым основанием для столь разноречивых высказываний о том, какая из двух основных отраслей хозяйства адыгов — земледелие ил» скотоводство — была преобладающей в XVIII — первой половине XIX в., могут служить известия авторов этого времени, которые также были склонны по-разному оценивать значение этих занятий для адыгов. Одни считали преимущественным занятием адыгов скотоводство и подчеркивали первобытное состояние их земледелия, другие, наоборот, признавали адыгов земледельческим народом и указывали на довольно высокую степень их земледельческой культуры. Так, например, обобщая имевшиеся в русской литературе сведения о сельском хозяйстве адыгов, Н. Дубровин, в соответствии с точкой зрения большинства современных ему авторов, писал: «Земледелие вообще находилось в первобытном состоянии... Главное богатство черкесов, особенно кабардинцев, составляли: пчеловодство, огромные табуны лошадей и отары овец; как: те. так и другие славились своей доброкачественностью»[4]. Примерно так же оценивал состояние сельского хозяйства адыгов Клапрот, который, однако, выделял овцеводство как ведущую отрасль адыгского ското-

---

[1] «Очерки истории Адыгеи», Майкоп, 1957, стр. 150 и 158. *г-i--п*

[2] «Кавказский этнографический сборник» II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLVI, М, 1958, стр. 93—97.

[3] Т. Х. Кумыков Земельные отношения в Кабарде в первой половине Х1л в. и ьемельная'реформа в 1863—1869 гг., Нальчик, 1953, стр. 26—37; И. Ф. Мужев, Социально-экономическое развитие Кабарды в 50—60-х годах XIX в., «Уч. зап. Кабардинского гос. пед. ин-та», вып. VII, Нальчик, 1955.

[4] Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1,. «р. 92—93.

водства. «Овцы,— подчеркивал Клапрот,— составляют почти все богатство черкесов и важнейшую статью их домашнего хозяйства»[5].

Но в литературе первой половины XIX в. имеется немало высказываний и другого рода. «Черкесы,— указывает К- Ф- Сталь,— как и прочие горские племена, народ земледельческий. Земледелие, скотоводство и пчеловодство суть главные занятия черкеса»[6]. На первое место ставят земледелие в своих описаниях адыгского хозяйства С. М. Броневский, Г. В. Новицкий, Хан-Гирей. Древность и распространенность у адыгов земледелия подчеркивал и Ш. Б. Ногмов. «Адыхе,— писал автор «Истории адыхейского народа»,— издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, полбу, кукурузу и огородные овощи: лук, чеснок, редьку, свеклу и прочее; на нашем языке есть названия всех хлебов, исключая сарачинского пшена»[7]. На развитость у адыгов земледелия указывают и многие иностранные авторы, посетившие Черкесию в первой половине XIX в., в том числе такие, как Дюбуа деМонлере, Белль, Лонгворт, Лапинский. Последний, например, на основании своих трехлетних наблюдений пришел к выводу, что «Преимущественное занятие адыга — земледелие, которое дает ему и его семье средство к жизни»[8].

Чем же объяснить такое различие во взглядах авторов, которые имели возможность составлять свое мнение о хозяйственной жизни адыгов в интересующий нас период не только по литературным источникам, но и на основании собственных наблюдений? Правильный ответ на этот вопрос можно дать, если мы учтем, что у различных адыгских племен и народностей в XVIII — первой половине XIX в. соотношение между земледелием и скотоводством было в действительности различным.

Ошибка большинства русских и иностранных авторов заключалась в том, что они из фактов, касавшихся хозяйственной жизни отдельных адыгских племен, делали поспешные обобщения в отношении главной отрасли хозяйства в'сех адыгских племен. Такие необоснованные обобщения приводили, естественно, к односторонним заключениям о преобладании у адыгов или земледелия или скотоводства, тогда как в действительности эти основные отрасли хозяйства были развиты не в одинаковой степени в различных районах Черкесии.

Стремление дать универсальную характеристику основных хозяйственных занятий адыгов без дифференциации по отдельным племенам и районам приводило иногда авторов к неразрешимым противоречиям. Примером может служить Сталь, который в своем «Этнографическом очерке черкесского народа» наряду с утверждением (приведенным уже нами выше), что черкесы являются «народом земледельческим», дает и совершенно противоположную характеристику их хозяйству, заявляя, что те же черкесы «небольшие охотники до земледелия и потому оно у них не важно. Небольшие посевы кукурузы, проса и пшеницы окружают аулы. Напротив того, скотоводство, коневодство, овцеводство и пчеловодство в хорошем положении и составляют главное занятие народа»[9].

Вопреки укоренившимся ъ литературе взглядам, что сельское хозяйство адыгов в XVIII — первой половине XIX в. имело крайне примитивный характер, оно находилось в общем на довольно высоком для того

[5] I. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, Halle und Berlin, 1812, B. I, стр. 581.

[6] К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 100.

[7] Ш. Б. Ногмов, История адыхейского народа, Тифлис, 1861, стр. 36.

[8] Th. Lapinski, Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freicheitskampf gegen die Russen, Hamburg, 1863, B. 1, стр. 44.

[8] К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 87.

времени уровне развития, причем отдельные его отрасли были хорошо приспособлены не только к соответствующим географическим зонам, но и к существовавшим в то время экономическим условиям, включая потребности внутреннего и внешнего рынка. Поэтому при характеристике сельского хозяйства адыгов необходимо иметь в виду, что и внутри двух его основных отраслей — земледелия и скотоводства — наблюдались в XVIII — первой половине XIX в. свои особенности развития, выражавшиеся в различном удельном весе хлебопашества и садоводства в районах преобладания земледельческого хозяйства или в различном составе стада в районах преобладания скотоводческого хозяйства.

Сложность факторов, влиявших на преимущественное развитие у отдельных адыгских племен земледелия или скотоводства, не позволяют, как это часто делают, делить их в зависимости от места обитания на группу горных племен, занимавшихся якобы главным образом скотоводством, и группу земледельческих племен, живших якобы только на равнине.

Впервые такое деление адыгов предложил Г. В. Новицкий. «Земли Адехе,— писал он в 1829 г.,— расположенные частью по горам, частью по долинам, представляют богатые источники земледелия. Равнины между гор, защищаемые от холодных ветров, богато награждают трудолюбие земледельца; но горы с трудом дают пропитание народам, на них расположенным, и заставляют их прибегать к избыткам живущих на равнинах Кубани и других больших рек» [10].

В соответствии с двумя географическими зонами Черкесии — горной и равнинной, Новицкий и делил адыгов на два «разряда» по степени развития у них земледелия. «Всех Адехе,— утверждал Новицкий,— в отношении к хлебопашеству можно разделить на два разряда: на жителей равнин, у коих хлебопашество в цветущем состоянии, и на жителей гор, у коих каменистые твердыни, их окружающие, не представляют мест, достаточных к посеву нужного к прокормлению себя хлеба. Первые сеют пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, в большом количестве полбу, множество табаку и собирают все в избытке. Жители гор, лишенные средств к хлебопашеству, между скал и лесов очищают поляны и инструментом, похожим на кирку, вскапывают на них землю и тюсевают просо и табак в малом количестве. Впрочем хлебом ежегодно пользуются от жителей долин, отдавая им за оный свои изделия, а потому находятся в сем отношении во всегдашней у них зависимости» [11].

На первый взгляд, приведенные высказывания Новицкого кажутся вполне справедливыми и основанными на бесспорных фактах. Действительно, почему бы вслед за Новицким не считать, что все адыги, жившие на плодородных равнинах Кубани и других больших рек Северного Кавказа, занимались главным образом хлебопашеством, в отличие от их соплеменников, обитавших в горах, где было значительно меньше удобств для занятия земледелием. Так, например, рассуждают авторы коллективного труда «Очерки истории Адыгеи». Характеризуя состояние адыгского земледелия в XVIII — первой половине XIX в., они пишут: «В горах был каменистый грунт и крутые склоны, покрытые небольшим слоем земли. Поэтому обработка полей доставляла много трудностей. В лесах полеводству препятствовала болотистая местность и трудность выкорчевки деревьев, которую адыги производили в основном с помощью примитивных орудий (кирки). Поэтому жители гор были вынуждены производить обмен с обитателями равнины Кубани и других больших

[10] Г. В. Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе, «Тифлисские ведомости», 1829, № 23.
[11] Там же.

рек. Они отдавали им за хлеб — скот и свои изделия и поэтому находились в постоянном общении с ними, а также постоянной зависимости от них». И далее в подтверждение этого рассуждения идет ссылка на цитированную уже нами выше статью Г. В. Новицкого [12]. Примерно такого же рода рассуждение мы встретили и у М. В. Покровского, который, подчеркивая большую роль земледелия у адыгских племен в XVIII — первой половине XIX в., делает, однако, следующее замечание: «Совершенно естественно, конечно, что горная полоса Западного Кавказа была менее удобна для пашенного земледелия, чем прикубанская низменность. Поэтому скотоводство, огородничество и садоводство играли здесь значительно бóльшую роль, чем хлебопашество. Жители гор в обмен на хлеб отдавали обитателям равнин скот и ремесленные изделия. Особенно важным было значение этого обмена для убыхов» [13].

Таким образом, взгляды Г. В. Новицкого на преимущественное развитие земледелия на равнине, а скотоводства в горах Черкесии были поддержаны большинством позднейших исследователей, принявших в своих рассуждениях по этому поводу и соответствующую аргументацию Новицкого.

Но при ближайшем рассмотрении имеющегося з нашем распоряжении материала выясняется, что такого рода рассуждения являются слишком прямолинейными. Конкретно-историческая обстановка вносила существенные поправки в казалось бы вполне логичные и удобные схемы.

Нам доподлинно известно, что значительная часть адыгов, живших на равнинах, занималась в XVIII — первой половине XIX в. как раз преимущественно скотоводством, а не земледелием. К числу их относились такие племена, как кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, махошевцы, хатукаевцы и др. [14]. Особенно важен в этом отношении пример кабардинцев, которые в XVIII в. использовали для развития своего скотоводства огромные степные пространства на Куме и Тереке вплоть до Кизляра [15]. Следовательно, равнины сами по себе еще не обеспечивали преимущественное развитие земледелия у обитавших здесь адыгских племен. Тем более, что природные условия этой зоны были столь же благоприятны для развития скотоводства, как и для земледелия, а адыгское скотоводство, основывавшееся на содержании скота большую часть года на подножном корму, было вообще немыслимо без использования пастбищ на равнинах.

Как это вынужден признать и сам Новицкий, «Равнины, прилежащие Кубани, Малке и другим большим рекам, столь же важны для Адехе в отношении скотоводства, как и хлебопашество. Бесчисленные стада различного скота в течение весны пасутся на равнинах; когда же летние жары выжгут оставшуюся от сенокосов траву, тогда стада Адехе угоняются в ущелья гор, где в то время зеленеет трава и по отлогостям представляются кое-где удобные места для пастбищ; но в конце сентября, когда в горах холод начинает делаться чувствительным, Адехе

---

[12] «Очерки истории Адыгеи», стр. 158—159.

[13] М. В. Покровский, Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX в., стр. 105.

[14] Подробную характеристику скотоводческого хозяйства этих племен см. у Клапрота, Указ. раб., т. I, стр. 457—468.

[15] В 1764 г. прибывший в Петербург кабардинский посол князь Кайтуко Кайсынов в прошении, поданном Екатерине II, указывал, что «Кабардинские земли простираются, с одной стороны, до реки Кумы и до развалин старинного города Маджар, на оной реке находящегося, а с другой — вниз по течению реки Терека до урочища Мекеня, лежащего на оной реке Терку, ниже урочища Моздоку по крайней мере верст 60...» (ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XXIII, д. 1, л. 9 об.).

сгоняют стада свои опять на равнины, где в то время показывается снова молодая трава и где проводят остальную часть года на пастбищах»[16].

Таким образом, лишь в летние месяцы адыгский скот мог пастись в горах, все же остальное время года ему приходилось пользоваться пастбищами на равнинах, что и делало их главной основой адыгского скотоводства. Вот почему в XVIII — первой половине XIX в. наиболее многочисленные стада скота, прежде всего овец и лошадей, имелись у кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев и других адыгских племен, обитавших на равнинах Северного Кавказа. Земледелие же у этих племен в то время велось в сравнительно небольших размерах и ему уделялось гораздо меньше внимания, чем скотоводству. Из числа крупных адыгских племен, обитавших на равнине, только, пожалуй, у бжедугов земледелие в XVIII — первой половине XIX в. играло важную роль и давало продукцию, с избытком покрывавшую внутренние потребности этого племени, s

Иное положение сложилось в XVIII — первой половине XIX в. у адыгов, обитавших, по терминологии Г. В. Новицкого, в «горной зоне». К числу их относились самые крупные адыгские племена — шапсуги, абадзехи и натухайцы. Именно у этой части адыгов земледелие приобрело особое значение, причем наряду с хлебопашеством у них было также развито садоводство. Поэтому-то именно к этим племенам, а не к обитавшим на равнинах кабардинцам, бесленеевцам, темиргоевцам и прочим, можно отнести слова Новицкого о «цветущем состоянии» у адыгов земледелия.

У абадзехов, шапсугов и натухайцев, как и у всех адыгов, значительное место в хозяйстве занимало скотоводство, однако оно было развито в меньшей степени, чем у племен, живших на равнине. Скотоводство горных адыгских племен и в количественном, и в качественном отношении уступало скотоводству адыгских племен, живших на равнине. «Скот на равнинах,— отмечал в своем описании адыгского хозяйства Лапинский,— крупнее, крепче и многочисленнее, чем в горах»[17]. В горах очень слабо было развито коневодство, тогда как на равнине это была важнейшая отрасль скотоводческого хозяйства адыгов; в стадах рогатого скота горных адыгских племен преобладали козы, тогда как на равнине разводились главным образом овцы.

* * *

Из сделанного нами краткого обзора вопроса о соотношении земледелия и скотоводства в хозяйстве адыгов видно, что в XVIII — первой половине XIX в. все адыгские племена занимались в той или иной мере земледелием, которое являлось древнейшим занятием адыгов[18]. Даже те адыгские племена, у которых в рассматриваемый период было развито преимущественно скотоводство, не обходились без своего земледельческого хозяйства, ведение которого было необходимым условием нормального существования населения. Посевы сельскохозяйственных культур производились как минимум в размерах, удовлетворявших соб-

[16] Г. В. Новицкий, Географическо-етатистическое обозрение земли, населенной народом Адехе, «Тифлисские ведомости», 1829, № 24.

[17] Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1, стр. 47.

[18] М. В. Покровский, Городища и могильники среднего Прикубанья, «Труды Краснодарского гос. пед. ин-та», т. 6, вып. II, 1937, стр. 8; Н. В. Анфимов, Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья, МИА, № 23, М.— Л., 1951, стр. 144—154; Л. И. Лавров, Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в., «Материалы по истории земледелия СССР», Сб. 1, М., 1952, стр. 187. 195—202.

ственные потребности в хлебе и зерне для корма скота (главным образом лошадей) [19]. Наиболее распространенной полеводческой культурой было просо, являвшееся излюбленным хлебным злаком адыгов. Кроме того, сеяли пшеницу, полбу, рожь, ячмень и овес[20]. С конца XVIII в. большое распространение получило возделывание кукурузы, чему способствовало, во-первых, исключительное плодородие этой культуры, а во-вторых, большой спрос на нее со стороны турецких хлеботорговцев, которые охотнее всего ее покупали и хорошо за нее платили[21]. В первой половине XIX в. у всех адыгских племен расширились и посевы пшеницы, в чем сказалось прежде всего влияние России.

Огородничество у адыгов было развито в общем слабо, хотя, по словам Хан-Гирея, «каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засевает он всякого рода огородные растения»[22]. Броневский сообщает, что адыги в огородах обычно сеяли: морковь, свеклу, капуст}', лук, тыкву, арбузы «и сверх того у всякого в огороде есть табачная гряда»[23]. Хан-Гирей указывает, что «в особенности» абадзехи, шапсуги и натухаицы «занимаются огородною работою и места их жительства изобилуют всякого рода овощами, свойственными климату этого края»[24]. Лапинский, хорошо знавший как раз эти племена, все-таки отмечал сравнительно ограниченный характер адыгского огородничества. «Из овощей,— говорит он,— до сих пор известны только немногие — лук, красный перец, чеснок, петрушка, огурцы, капуста и тыква. Последняя достигает редкой величины. Другие овощи не известны, в том числе и картофель... Из стручковых в большом количестве разводят фасоль отличного качества; горох и бобы разводят редко. Повсюду встречаются превосходные дыни и арбузы»[25].

Садоводство у адыгов, как уже указывалось выше, было распространено только в горных районах. По сообщению Хан-Гирея, «жители равнин не имеют никакого понятия о садоводстве, приносящем так много пользы и удовольствия селянину, и довольствуются дикими плодами, которыми изобилуют леса»[26].

Лапинский подчеркивает высокое развитие садоводства у натухайцев, шапсугов и абадзехов. «Здесь,— говорит он,— можно найти все сорта хороших фруктов»[27]. Что касается виноградарства, то оно было распространено лишь в южной части Черноморского побережья Черкесии, хотя дикая виноградная лоза росла во всей приморской полосе Черкесии[28].

Землю адыги вспахивали двумя орудиями, из которых одно было тяжелое и имело все главные принадлежности плуга, а другое — более легкое, было типа рала. «Жители равнин,— пишет Хан-Гирей,— пашут землю плугом, сделанным на подобие украинского, в который впрягают обыкновенно четыре пары волов, которыми управляют три человека... Жители же ущелий и гор, не имеющие привольных долин для хлебопа-

---

[18] «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 39 об., 47 об.— 48 (рукопись, хранящаяся в библиотеке Центрального государственного военно-исторического архива СССР).

[20] С. М. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 133.

[21] Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1, стр. 43.

[22] «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 40 об.— 41.

[23] С. М. Броневский, Указ. раб., ч. II, стр. 134.

[24] «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, л. 40 об.

[25] Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1, стр. 43.

[26] «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 40 об.— 41.

[27] Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1l, стр. 44.

[28] Обычно, когда в литературе говорят о черкесских виноградниках, имеют в видз район Сочи, где жили в XVIII — первой половине XIX в. убыхи.

шества, имеют другого рода плуг, а именно: малый и запрягаемый в одну пару волов. Этого же рода плуг употребляют и жители равнин для вспахивания мягких мест, годных под огородные растения»[29].

Г. С. Читая указывает, что четырехстороннее пахотное орудие, к которому принадлежит и адыгское рало, возникло на Кавказе давно и его происхождение надо искать в эволюции местных пахотных орудий, а не в появлении его в результате привоза из других стран[30]. То же самое следует сказать и об адыгском плуге, который сходен не только с украинским, но и с грузинским. Плуг был деревянный, но имел железный лемех и резак. По описанию И. Л. Серебрякова, самая большая ширина лемеха — четыре вершка, длина режущей части ножа — три вершка; отвал — прямой, деревянный; длина всего плуга четыре аршина, из которых один аршин приходился на корпус плуга, а остальное на дышло. «Все части орудия, как деревянные, так и железные отделаны тщательно...»[31]. Лапинский замечает, что адыгский плуг «тяжел и неуклюж», но при этом оговаривается, что «столь же неуклюжие сельскохозяйственные орудия я видел в Силезии, которая, однако, принадлежит к Немецкому Союзу»[32].

По сообщению И. Л. Серебрякова, повторяемому И. Н. Клингеном и рядом других авторов, адыгский плуг не имел передка. Однако по другим данным адыгский плуг был, безусловно, передковым пахотным орудием, причем передок имел два различных по размеру колеса, из которых большое шло по борозде; от установки передка зависела также и глубина вспашки[33]. Видимо, у адыгов применялся плуг двух видов — с передком и без передка; последний вид, описанный Серебряковым, имел распространение у адыгов, живших по побережью Черного моря, а передковое орудие употреблялось у адыгов Закубанья и в Кабарде. На широкое распространение у адыгов именно плуга с передком указывает, в частности, описанная Хан-Гиреем старинная игра, которая 'происходила во время пахоты. В этой игре одна партия похищала у другой ремень («жъуаше», в транскрипции Хан-Гирея — «вваше»), которым плуг привязывался к передку[34].

Адыгский плуг был хорошо приспособлен для пахоты на равнине. Наличие достаточного количества рабочего скота позволяло кабардинцам, бесленеевцам, темиргоевцам, бжедугам и другим адыгским племенам, преимущественно применявшим этот плуг, впрягать в него 3—4 пары волов и таким образом производить довольно глубокую вспашку тяжелых и жирных почв в степной полосе, где верхний слой земли, находившейся в перелоге по 10—12 и более лет, закреплялся переплетением многолетних степных трав. Долголетне-залежные земли, приближавшиеся по плотности травяного покрова к целинным, были трудны для вспашки и поэтому требовали применения тяжелого пахотного орудия и значительной тягловой силы. В горных же районах, где черноземный слой был не столь глубок, а поля при более интенсивном характере земледелия подвергались частой распашке, требовалось более легкое пахотное орудие, каковым и являлось адыгское рало, в которое впрягалась одна пара волов.

---

[29] «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 38 о-б.— 39.

[30] Г. С. Читая, Некоторые итоги экспедиционной работы в Адыгее в 1957 г., «Материалы по этнографии Грузии», т. XI, Тбилиси, 1960, стр. 91.

[31] И. Л. Серебряков, Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа, «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», Тифлис, 1867, № 1—2, стр. 11 — 12.

[32] Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1, стр. 44.

[33] Изображение старинного адыгского (кабардинского) плуга с передком см.: С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 248.

[34] См. Х. Г. {Хан-Гирей], Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов, «Русский вестник», 1842, № 1, стр. 30.

Однако местами адыги пользовались и плугом, и ралом, которые в известной мере дополняли друг друга. Плугом в таких случаях поднимали новь и вообще производили первую распашку, а ралом перепахивали землю вторично.

Большую роль в адыгском земледельческом хозяйстве играла мотыга. Ею уничтожали сорные травы, разрыхляли землю на нивах, в садах и на огородах, предохраняя почву от высыхания и образования коры; ею расчищали подсечные участки, вырубая корни кустарников и молодых деревьев; ею, наконец, обрабатывали небольшие участки в горах и на равнине, в тех случаях, когда невозможно было использовать упряжные пахотные орудия.

Жатва хлеба производилась обыкновенно серпами, но для этого употреблялись и косы, которые, как и серпы, были у адыгов малых размеров. Для молотьбы существовало два способа. Первый, более примитивный, заключался в том, что'по току, устланному скошенным хлебом, гоняли скот (лошадей, быков, телят), который вытаптывал зерно из колосьев. Второй способ, являвшийся развитием первого, состоял в том, что животных припрягали к доске, на которую наваливали тяжесть[35].

Таково было в самых общих чертах состояние земледелия у адыгов в XVIII — первой половине XIX в. Для более углубленной характеристики этой важнейшей отрасли сельского хозяйства адыгов необходимо рассмотрение соответствующих материалов по отдельным племенам и районам Черкесии.

* * *

Как уже указывалось, наибольшее развитие земледелие получило в рассматриваемое время у абадзехов, шапсугов и натухайцев, населявших западные, преимущественно горные районы Черкесии. Все русские и иностранные авторы, посещавшие :в первой половине XIX в. территорию этих племен, единодушно отмечали, что земли здесь были густо населены и прекрасно обработаны. Интенсивное занятие местного населения земледелием, садоводством и огородничеством позволяло ему располагать свои аулы на небольшом расстоянии друг от друга.

В нашем распоряжении имеется рукопись дневника русского офицера — участника одного из первых походов в западную часть Черкесии. Записи в этом дневнике делались под непосредственным впечатлением в конце каждого дня похода и не предназначались для печати, поэтому они имеют особенно достоверный характер. Маршрут отряда, в котором находился автор дневника, проходил по земле шапсугов и натухайцев. Начавшись у берегов Кубани (в районе Екатеринодара), он завершился на Черноморском побережье — у устья реки Пшады.

Вот несколько записей, ярко и правдиво рисующих состояние этой части страны.

Запись от 9 мая 1837 г.— «Дорогой (в долине р. Абина.— *В. Г.),* по обеим сторонам, прелестные сады. По опушке виднеются большие аулы..., народонаселение здесь очень большое. Хлеба у них прекрасные, густые и жито вышиною более двух аршин, пшеница тоже недурная. Поля их, засеянные большею частью, огорожены плетнем (дабы скот не пасся)»[36]. Запись от 24 мая 1837 г.— «Мы расположились в нескольких шагах от

[35] С. М. Броневский, Указ. раб., ч. II, стр. 133—134; И. Л. Серебряков, Указ. раб., стр. 13; И. Клинген, Основы хозяйства в Сочинском округе, СПб., 1897, стр.50.

[36] Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград), рукописный, отдел, собрание П. Н. Тиханова, № 326/1, л. 14 (начало дневника утеряно, автор не известен) .

аула... (в долине р. Пшады, недалеко от берега моря.— *В. Г.),* кругом нас вьются пю деревьям виноградные лозы, жито, овес, ячмень, конопля, лен, кукуруза я проч. Всего есть в этом месте в большом изобилии. Поля их большею частию огорожены плетнями. Я видел даже привитые фруктовые деревья... Сдесь пропасть аулов...»[37].

Примерно в то же время, когда писал этот дневник неизвестный нам по имени участник похода 1837 г., земли шапсугов и натухайцев объезжали Белль и Лонгворт. В своем дневнике Белль указывает, что повсюду, где он проезжал, ему встречались многочисленные аулы, «расположенные друг от друга менее чем на пушечный выстрел» и окруженные великолепно возделанными и обычно огороженными полями, которые нельзя было отличить по качеству обработки от лучших полей Англии. Сходство это было настолько разительно, что сопровождавший Белля Лонгворт неоднократно восклицал во время проезда по полям Черкесии: «Как это напоминает Англию»[38].

То же самое отмечает и другой англичанин — Э. Спенсер, который выражал свое глубокое удивление по поводу того, что он увидел в западных районах Черкесии[39]. «С первого же момента — пишет он,— когда открылись передо мною черкесские долины, вид страны и населения превзошел самое пылкое мое воображение. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных холмов, почти ни одного клочка земли некультивированного, огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по колено в траве». В другом месте Спенсер следующим образом описывает свои впечатления от поездки вдоль черкесского побережья Черного «оря: «Где бы ни блуждал взгляд — по крутым ли склонам гор, часто поднимающихся здесь на высоту 5000 футов, или вдоль откосов глубоких долин, везде раскидывался красивый парк— поля, зеленеющие пастбища и луга, окруженные изгородью, показывающие руку искусного крестьянина; если же к этому добавить многочисленные стада и скот, величественные очертания роскошных лесов, покрывающих все возвышенности, и то там, то здесь спускающихся в глубокие долины, то читатель сможет составить себе некоторое представление о пейзаже этой части черкесского побережья; коттеджи, с изящными верандами, фермами, фруктовыми садами указывают также на то, что их обладатели были постоянно обеспечены всем необходимым для жизни»[40].

Не нужно думать, что эти отзывы о западной Черкесии, как о процветающей земледельческой стране, являются лишь плодом досужих вымыслов пристрастных путешественников, стремившихся из симпатии к адыгам приукрасить их страну. Вот показания еще одного автора, тоже посетившего Черкесию в начале XIX в., которого трудно заподозрить в симпатиях к адыгам, ибо он характеризует их, как «horde of banditti» («орду бандитов»). «Когда наступило утро,— пишет Э. Кларк,— перед нами развернулось великолепное зрелище богатой страны (Черкесии.— *В. Г.)...* Нечто вроде Южного Валлиса или лучших частей Кента; изящные холмы, покрытые деревьями, и плодородные долины, обработанные, как сад»[41].

[37] Собрание П. Н. Тиханова, № 326/1, л. 14.

[38] J. S. Bell, Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839, London, 1840, t. 1, стр. 135, 208.

[39] Спенсер в il836 г. объехал вместе с графом Воронцовым, бывшим тогда новороссийским губернатором, Черноморское побережье Кавказа.

[40] Ed. Spenser, Turkey, Russia. The Black Sea and Circassia, London, 1855, стр.307.

[41] Ed. Clark, Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, London, 1810, t. 1, стр. 389.

Аналогичную картину мы находим и в описании путешествия Дюбуа де Монпере, который, плывя на русском пароходе, наблюдал и отмечал виденные им с моря пахотные участки на склонах[42], причем от него были совершенно скрыты пашни, обращенные склоном к Главному хребту или отгороженные от моря сплошной полосой леса, который местные жители избегали рубить и не позволяли истреблять другим. Но зато Дюбуа, неоднократно высаживаясь в ряде пунктов Причерноморской Черкесии (Геленджике, Пшаде, Джубге и др.), смог составить себе довольно верное представление о существовавших у причерноморских адыгов ценных навыках в области ведения земледельческого хозяйства. Добросовестно описав различные агрономические мероприятия, проводившиеся в западных районах Черкесии, Дюбуа убедительно показал, что проживавшие здесь адыги были весьма опытными и умелыми земледельцами.

Хорошо поставленное земледельческое хозяйство отмечает у абадзехов русский офицер В. Солтанов в своих походных записках, относящихся к периоду 1861—64 гг. Все долины Абадзехии, по словам этого очевидца, были большей частью тщательно обработаны и «усеяны» «красивыми аульчиками»[43].

Сообщение Солтанова подтверждается и более поздними описаниями. «Ныне лесная горная пустыня,— писал в 1901 г. Дьячков-Тарасов об Абадзехии,— кое-где оживленная бедной нагорной станцией или жалким селением, только 37 лет тому назад имела веселый оживленный вид... В долинах, по скатам гор, в ущельях зеленели нивы; зеленели они и на вершинах, заставляя удивляться терпению, с каким абадзех очищал от леса несколько десятин. Вокруг нив, прилегавших к лесам, виднелись невысокие плетни, устроенные для защиты посевов от диких свиней»[44]. Долина Псекупса, по рассказам стариков-абадзехов, представляла собой «сплошной аул, утопавший в фруктовых садах...»[45] Территория, орошаемая р. Псекупсом и его притоками Хатыпсе, Чепси, Хоарзе, Псе-чиако, была покрыта сплошными поселениями и цветущими полями и настолько славилась своей зажиточностью, что среди черкесов приобрела наименование Мессира (Египта)[46].

Значительный интерес для характеристики земледельческой культуры адыгов, обитавших в прибрежной полосе, представляют данные правительственной комиссии, созданной в середине 60-х годов XIX в. по распоряжению наместника Кавказского для обследования состояния земельных угодий восточного берега Черного моря, освободившихся после выселения горцев. Возглавлявшие эту комиссию агроном Хатисов и лесничий Ротиньянц провели тщательное изучение остатков земледельческой культуры горцев и представили об этом в 1866 г. подробный отчет, из которого И. Н. Клингеном были опубликованы большие выдержки.

По данным комиссии Хатисова и Ротиньянца, приводимым в книге Клингена, между рр. Шахе и Туапсе находился двойной ряд черкесских аулов, одни из которых располагались в приморской полосе, в нескольких верстах от берега, а другие — в верховьях рек, ближе к Главному хребту.

---

[42] F. Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Armenie et en Crimée, Paris, 1839, t. 1, стр. 196, 200.

[43] «Кавказский сборник», т. V, Тифлис, 1880, стр. 421—423.

[44] А. Н. Дьячков-Тарасов, Абадзехи, ЗКОРГО, кн. XXII, вып. 1, Тифлис, 1902, стр. 17.

[45] Там же, стр. 2.

[46] Там же; ср. Н. Л. Каменев, Бассейн Псекупса, «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 4, стр. 7.

От верховьев р. Кичмая (впадавшей в Шахе с правой стороны) «все горы», по словам комиссии, «носили на себе следы земледельческой деятельности, и повсюду выделялись остатки рассеянных горских жилищ, преимущественно на высотах».

В узком ущелье р. Хакучипсе, правого притока Псезуапсе, комиссия обнаружила бывшие кукурузные и просяные поля черкесов, лежавшие в столь неприступных местах," что с первого раза казалось невероятным, чтобы иа такой круче можно было возделывать хлеб. Между тем, многие 'русские офицеры рассказывали комиссии, что «горы эти когда-то сверху донизу были покрыты прекрасными полянами, а горцы, всегда имея большой запас хлебов, при удобном случае доставляли хлеб к морскому берегу для сбыта». Комиссия сомневалась, чтобы среди возможных 'будущих поселенцев этого района «нашлись люди, способные продолжать хозяйство хакучипсов, а потому поля их признала, в будущем, пригодными лишь для пастбищ, и то для коз и овец»[47].

* * *

Процветание земледелия у натухайцев, шапсугов и абадзехов объяснялось целой системой агрокультурных мероприятий, хорошо приспособленных к местным условиям. Как указывает Клинтен, хлебные поля адыгов в горной зоне никогда не располагались большими сплошными» "площадями, а представляли собой небольшие прямоугольники, несколько вытянутые перпендикулярно направлению склона и обыкновенно не превышавшие 1 десятины, редко 2—3. Такие поля обычно тонули в чаще вековых деревьев, которые их сильно затеняли. Участки для посевов расчищались из-под леса путем подсачивания или корчевания. Для подсачивания снимали кору с деревьев широкой лентой вокруг ствола на расстоянии аршина от земли, а когда дерево засыхало, его корчевали. Эксплуатацию земли под пашню начинали уже через год, не дожидаясь корчевки больших деревьев, после вырубки подлеска и корчевки его. Корни, ветки и всякого рода древесные отходы сжигались на месте в кучах, зола разбрасывалась и таким образом удобряли землю. Поля, где это было возможно, прилегали к лесным опушкам, но гораздо чаще такие опушки насаждались специально для защиты полей от действия иссушающих и холодных ветров, а на самом поле оставлялись большие, тенистые деревья. Поля, расположенные по горным склонам, ограждались живой изгородью из держи-дерева, терновника, шиповника, орешника и пр. В местах выхода источников и вдоль ложа их насаждались целые чащи деревьев (обычно ольхи) для защиты от высыхания в летнее время. В местностях, более крутых и подверженных вымыванию ливнями, ряды древопосадок были чаще и шире, перемежаясь с лесными опушками[48].

Таким образом, при распространенной в горной полосе в XVIII — первой половине XIX в. системе земледелия обитавшие здесь адыгские племена не только очищали от леса необходимые для земледелия площади, но и сохраняли на своих полях в определенной пропорции и в определенном порядке лесные деревья и даже производили искусственное лесонасаждение. Поэтому часто встречающаяся в литературе безоговорочная характеристика существовавшей в горной полосе Черкесии системы земледелия как подсечной является недостаточной и даже по существу неверной. К сожалению, такая характеристика дана и в «Очерках исто-

[47] И. К л и и г г н, Указ. раб., стр. 44.
[48] Там же, стр. 47—48.

р,ии Адыгеи», где, казалось бы, следовало более детально и углубленно остановиться на этом важном вопросе[49]. Существовавшую у горных адыгов в рассматриваемый период систему земледельческого хозяйства И. Н. Клинген иногда называет «леса-хлебной»[50], подчеркивая тем самым, что развитое земледелие у них сочеталось с сохранением и даже искусственным насаждением лесов, хотя новые земельные участки для хлебопашества обычно очищались из-под леса. Нам думается, что такое название, хотя может быть и не вполне удачное, все-таки точнее характеризует основные черты существовавшей у адыгов системы земледелия, чем безоговорочное именование ее подсечной.

Из заслуживающих полного доверия источников мы знаем, что значительная часть территории, занятой шапсугами, натухайцами и абадзехами, была покрыта лесом вплоть до середины XIX в. «Две трети всей поверхности страны еще покрыты лесом»,— писал в конце 1850-х гг. Лапинский, имея в виду территорию абадзехов, шапсугов и натухайцев[51]. Между тем, при развитом у этих племен земледелии и при многочисленности их населения следовало бы ожидать, что подсечная система, существовавшая здесь много веков, должна была привести к исчезновению леса на огромных площадях. Так бы оно, конечно, и случилось, если бы адыги названных племен при устройстве своих хлебных полей только уничтожали леса. Но, как мы видели, жившие в горной зоне адыги, во-первых, никогда не производили уничтожение леса на больших площадях с целью освобождения их под хлебные поля, во-вторых, обязательно оставляли на своих полях одиночные деревья, в-третьих, производили специальные древонасаждения вокруг и по соседству со своими полями.

Все авторы, посещавшие в первой половине XIX в. западную часть Черкесии, в своих описаниях отмечают, что хлебные поля здесь перемежаются с лесными рощами и садами. Но это ими воспринималось лишь как красивый пейзаж, и никто из них не призадумался над тем обстоятельством, что у адыгов каждый обработанный под посев участок земли был обычно окружен живой изгородью из деревьев, и что небольшие группы деревьев часто находились и среди нивы. Только один Дюбуа де Монпере понял существо этого красивого пейзажа и разъяснил, почему на хлебных полях Черкесии было так много деревьев. «Черкес,—отмечал Дюбуа,— расчищая землю, окружающую его жилище, для того чтобы возделывать там просо или пшеницу, заботится о том, чтобы сохранить вокруг своего поля гирлянду деревьев для его защиты и доставления влаги, необходимой в этом климате. Он оставляет даже там и сям посреди своих полей самые красивые деревья. Так что при взгляде с моря нет ничего более живописного, чем эти склоны лесистых холмов, в которых как в рамке находятся все эти поля...»[52]

Вот откуда, следовательно, проистекала та исключительная живописность черкесского ландшафта, которая приводила в восхищение иностранца. Таким образом, и самая живописность пейзажей Черкесии первой половины XIX в. была в известной степени результатом трудовой земледельческой деятельности ее населения.

Следует отметить, что уже Дюбуа де Монпере считал необходимым всем колонистам западного Кавказа заимствовать у черкесов их систему устройства хлебных полей в горнолесной зоне. Дюбуа считал, что сохранение лесов и специальные древесные насаждения, которые проводили

[49] «Очерки истории Адыгеи», стр. 159.
[50] И. Клинген, Указ. раб., стр. 41.
[51] Th. Lapinski. Указ. раб., т. 1, стр. 41.
[52] F. Dubois de Montpereux, Указ. раб., т. 1, стр. 112—113.

черкесы, весьма способствовали плодородию их полей. Почва в этих районах, указывал Дюбуа, имеет существенный недостаток — она быстро сохнет и трескается. Черкесы же отыскали способ, «позволяющий почве сохранять свою свежесть и влажность..., и имеющий еще другое преимущество — заключающееся в том, что с его помощью удается уменьшить силу норд-оста, дующего вдоль побережья»[53].

Весьма положительно оценила принятую черкесами систему земледелия, которую Клинген называет «лесо-хлебной», и комиссия Хатисова и Ротиньянца. В своем отчете комиссия, основываясь на многочисленных примерах, указывала на бережное отношение черкесов к лесам и на широко [распространенное в горах Черкесии искусственное древонасаждение. По наблюдениям комиссии, лесные опушки и специально выращенные рощи, а также сады постоянно перемежались у черкесов с хлебными лолямв.

Тщательная забота адыгов о сохранении лесов, отмечаемая многочисленными источниками, тем более замечательна, что в первой половине XIX в. лес для всех адыгских племен стал важнейшим предметом торговли. В лесе особенно нуждались соседние с западными адыгами черноморские (кубанские) казаки. Лес прежде всего требовался и на устроенных царским правительством для торговли с адыгами меновых дворах» Наконец, на лес главным образом обменивался адыгам и такой необходимый продукт как соль, добыча и продажа которой была сосредоточена в руках казны, совершенно лишившей адыгов доступа к соляным, озерам. Однако адыги яе поддались соблазну и не стали на путь массовой вырубки леса, а сумели сочетать продажу леса с заботой о era сбережении. Это хорошо подметил Новицкий: «Земля, заселенная народом Адехе, большею частью покрыта лесами, которые ими тщательносберегаются-и составляют для них важнейшую отрасль меновой торговли с Кавказскою линиею, Черномориею и Анапою»[54].

Характерно, что адыги сохраняли леса даже там, где их было сравнительно 'немного, но ощущалась значительная потребность в порубке леса для торговых целей. Примером такого отношения к лесу была приморская зона, в которой лес представлял большую рыночную ценность[55].. Клинген, вслед за Дюбуа де Монпере, подчеркивает, что сохранение адыгами строевого леса по Черноморскому побережью преследовало цель предохранить расположенные в прибрежных долинах поля и сады *от* отрицательных влияний морского -климата — туманов, холодных и сильных ветров, особенно зимой и весной, когда море холоднее материка[56].

Адыгам знакомы были также основы мелиорации, и они умели бороться с губительными ливнями, которые размывали склоны гор, сносили верхний, самый плодородный слой почвы и наносили огромный ущерб земледельческому хозяйству. Для предохранения полей и садоа от потоков дождевой воды адыги .проводили по скатам водоотводные канавы, укрепляя их в более крутых местах камнями. Канавы эти, нередко с боковыми разветвлениями, служили в то же время дренажем, предохраняя почву от заболачивания. «Следы этих канав,— пишет Клинген,— я находил не раз. Комиссия (Хатисова и Ротиньянца.— *В. Г.)* также упоминает о них в своем отчете. В особенности часто и накрест

---

[53] F. Dubois de Montpe´reux, Указ. раб., стр. 47.

[54] Г. В. Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе, «Тифлисские ведомости», 1829, № 23-.

[55] Следует подчеркнуть, что строевой лес в Причерноморье мог быть с большой выгодой продан за границу, так как к берегам Черкесии в XVIII и особенно в первой-половине XIX в. нередко приходили суда специально за строевым лесом.

[56] И. Клинген, Указ. раб., сто. 48.

изрезаны этими канавами низменные поля, подверженные наводнениям»[57].

Вопреки предположениям Дюбуа де Монпере, который считал, чти в .горах Черкесии, в отличие от Грузии и Армении, не прибегали к искусственному орошению земель[58], комиссия Хатисова и Ротиньянца приводит ряд примеров, когда воды небольших горных рек отводились в канавы для орошения нижележащих полей и садов. Вместе с тем, как указывает Гейдук, черкесы укрепляли ложе многих речек двойными рядами плетней, внутри которых делалась каменистая насыпка[59].

Используя для нужд земледелия нередко довольно крутые склоны гор, адыги, как и другие горцы Кавказа, прибегали к их искусственному террасированию, укрепляя склоны при помощи каменных стен. Участки террасного земледелия встречались в горах Черкесии повсюду. В частности, их отмечает в своем отчете комиссия Хатисова и Ротиньянца.

* * *

В горах, как уже указывалось, главным пахотным орудием было легкое рало. Однако там, где позволяла местность, горцы-адыги пахали и тяжелым плугом того же типа, что был у адыгов, живших на равнине[60]. Вместе с тем в горах при обработке небольших земельных участков, расположенных по крутым склонам и пересеченной местности, адыги пользовались мотыгой.

Применение адыгами мотыги для обработки земли в горах толкуется •иногда в литературе как признак крайней отсталости адыгского земледелия в этих районах, которое якобы вплот^ до первой половины XIX в. не вышло из «мотыжной стадии». Такое мнение является, конечно, совершенно ошибочным, так как адыгам вообще давно было известно пашенное земледелие, и применение мотыги в горах сочеталось у адыгов с удобрением, искусственным орошением и т. д., что свидетельствовало отнюдь не о первобытном характере земледелия в горных районах. По сообщению Хан-Гирея, применение мотыги в некоторых районах горной Черкесии было вызвано не отсталостью земледелия у живших там адыгов, а невозможностью использовать в тех географических условиях упряжные пахотные орудия. Указав, что жители тор, «не имеющие привольных долин для хлебопашества», пользуются «малым плугом» (т. е. ралом, в которое впрягалось два вола), Хан-Гирей далее пишет: «Те же из жителей гор, которые не имеют удобных мест даже и для пахания этими маленькими плугами, обыкновенно раскапывают землю особенного рода железными лопатками, имеющими вид топорика; в этих местах, по причине беспрестанного употребления, почва нив делается чрезвычайно мягкою, и нередко употребляют и унаваживание, что вовсе неизвестно жителям равнин»[61].

И. Н. Клинген также объясняет применение черкесами мотыги в горах особенностями рельефа некоторых земельных участков, а не отсталостью земледельческой техники горцев. По его личным наблюдениям, «Для обработки крутых склонов, в сильно пересеченных местностях, жители обходились совсем без упряжных орудий, довольствуясь

[57] И. Клинген, Указ. раб., стр. 49.

[58] F. Dubois de Montpereux, Указ. раб., т. 1, стр. 47.

[59] Ф. Гейдук, О значении сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря, «Русский вестник», 1871, № 3, стр. 19.

[60] На распространенность в горах Черкесии тяжелого плуга указывает Лапинский (Указ. раб., т. 1, стр. 44), который составлял свое описание адыгского хозяйства главным образом по материалам, касающимся абадзехов, шапсугов и натухайцев.

[61] «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, л. 39 об.

одной мотыгой и действуя ею с такой ловкостью и проворством, что никакой европейский рабочий, привыкший применять тяпку в плуготгольных культурах, при отлично обработанной почве, не выдерживает с ними никакого сравнения»[62].

Употреблявшееся в горах Черкесии легкое пахотное орудие распахивало землю примерно на $2j_2$ вершка. Такая неглубокая вспашка, рассматривавшаяся обычно в специальной литературе как недостаток адыгского рала, в действительности была наиболее подходящей для почвенных условий Закубанья. По объяснению И. Герко, специально изучавшего в 60-х годах XIX в. состояние земледелия у абадзехав, «Горец пахал мелко, потому что черноземный пласт Закубанья весьма тонок, а за ним следует пласт глинистый. Таким образом, горцы бросали свое зерно в черноземный слой»[63]. Абадзехи, посвящавшие Герко во все тонкости ведения земледельческого хозяйства в горах Закубанья, говорили ему: «Пахать надо легким плугом и не глубоко. Вспахав один раз, следует подождать неделю, и потом сделать перепашку, стараясь как можно больше вспушить землю, чтобы не было крупных комьев»[64].

Таким образом, поле перед посевом, как правило, пахали два раза, что обеспечивало необходимое размельчание и разрыхление земли, так как боронование перед севом не производилось.

После посева поле также не боронили, а прикрывали посеянное зерно при помощи особого типа волокуши, сделанной из плетеного хвороста с шипами, или же пучка ветвей, который заметал борозду[65]. При таком способе поверхность вспаханных полей разравнивалась. В некоторых же горных районах, где почва нуждалась в дренаже, пашню после посева не заравнивали, а оставлял^ир маленьких гребнях, образовавшихся при закрытии семян ралом, а иногда зерна оставляли даже незапаханными, прикрывая их лишь мелкими ветвями для защиты от птиц[66].

Отсутствие у адыгов бороны обычного типа, как и применение в горах Черкесии -мотыги, не являлось безусловным признаком отсталости их земледельческой техники в рассматриваемое время. Как указывает И. Герко, «Горец не употреблял бороны не потому, что не имел ее, а потому, что не нуждался в ней. Дело в том, что земля за Кубанью не вполне черноземная, а с примесью глины, она плотная, и засыхая делается недоступной для влаги и согревания; поэтому зерно, глубоко забитое в землю, большей частью там и остается. Вот почему черкес, засеявши ниву, не боронил ее, а запашки его действительно нуждались в бороне только до посева; борона тогда приносила двойную пользу: во-первых, разрыхляла землю, а во-вторых, вытягивала корни растений. Поэтому горец, не употребляя перед посевом бороны, делал плохо, подготавливал этим заросли; перепахивать же другой раз целину горцу при закубанской почве было необходимо»[67]. Таким образом, адыги Закубанья при посевах, руководствуясь многовековым опытом, не считали нужным глубоко запахивать семена в землю, а при посевах некоторых культур пред-

---

[62] И. Клинген, Указ. раб., стр. 50.

[63] И. Герко, Что нужно знать для развития хозяйства за Кубанью, «Кубанские войсковые ведомости», 1869, № 10.

[64] Там же.

[66] Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1, стр. 44; Ф. Щербина, Общинный быт и землевладение у кавказских горцев, «Северный вестник», 1886, т. 1, стр. 139; О. В. Маргграф, Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа, М., 1882, стр. 251; И. Н. Клинген ошибается (Указ. раб., стр. 50), утверждая, что кроме Лапинского ни в одном из источников не упоминается о наличии у адыгов-горцев «бороны-плетянки с хворостом, вместо зубцов».

[66] И. Л. Серебряков, Указ. раб., стр. 13; И. Клинген, Указ. раб., стр. 50.

[67] И. Герко, Указ. раб.

почитали даже оставлять зерна не запаханными, чтобы они скорей согревались и прорастали.

В соответствии с местными почвенными климатическими условиями у адыгов имелись и свои районированные сорта всех основных полеводческих культур. Адыгские народные селекционеры сумели вывести такие сорта проса, пшеницы, ячменя, кукурузы, которые давали высокие и надежные урожаи. «Семена горцев,— писал Клинген о черкесах,— отличались от семян низменных и степных равнин России необыкновенною мелкостью и скороспелостью; они были очень выносливы, быстро прорастали, успешно боролись с местными невзгодами, а скороспелость их обеспечивала косвенно надежный урожай, потому что ко времени засух, начинающихся обыкновенно со второй половины июня, самый критический момент роста хлебных злаков уже проходил... О породе этих хлебов ничего неизвестно, потому что русские поселенцы, находившие иногда на корню хлеб по уходе черкесов, не сразу оценили необходимость иметь местные семена. Относительно урожайности хлебов находим указания у графа Варгаса де Бедемара в его записке об осмотре западного Черноморского берега[68]. Хлебные злаки дают здесь, по собранным им сведениям, очень большие урожаи: кукуруза от сам 40 до сам 80, гоми 80—120, пшеница 18—30, а иногда и сам 35; переводя это на пуды, получим, что кукуруза давала в среднем с десятины более 150 пуд., гоми 150 пуд., а пшеница 175 пуд.; здесь нет ничего удивительного, если принять в расчет, что аборигены превосходно изучили все нужные для успеха приемы культуры и подобрали наиболее подходящие породы хлебов. Кроме того, они превосходно умели владеть тяпкой для уничтожения сорных трав, своевременного разрыхления и предохранения верхнего слоя от коры и высыхания»[69].

Высокую урожайность в Черкесии сельскохозяйственных культур отмечает и Лапинский, который сообщает, что кукуруза, например, давала здесь урожай больше, чем сам сто.

Помимо прочих агрокультурных мероприятий, отличные урожаи зерновых обеспечивались определенным севооборотом. И. Н. Клинген считал, что обычным севооборотом прибрежных черкесских племен было: кукуруза, пшеница — пшеница, просо и затем 14—15 лет залежи под пастбища и лес[70]. И. Герко на основании абадзехокого материала тоже указывает на наличие у адыгов хорошо .продуманного плодосмена. «После первой распашки твердой земли,— говорили ему абадзехи,—следует посеять такой хлеб, который имеет большой корень, а именно—просо или кукурузу, и только на следующий год, сделав новую распашку, можно сеять рожь или пшеницу»[71].

* * *

Наряду с хлебопашеством у абадзехов, шапсугов и натухайцев было хорошо поставлено и садоводство. Изобилие садов у этих племен неизменно поражало всех иностранцев, посещавших Черкесию в первой половине XIX в. Абадзехекие и шапсугские аулы Закубанья, по свидетельству многих очевидцев, буквально утопали в садах. Еще больше садов

[68] И. Н. Клинген имеет в виду следующую работу: А. Варгас де Бедемар, Записка об осмотре западного Черноморского берега Закавказского края (от реки Туапсе до реки Бзыби), «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», 1867, № 3, стр. 7.

[69] И. Клинген, Указ. раб., стр. 51.

[70] Там же, стр. 41'.

[71] И. Герко, Указ. раб.

было у шапсугов и натухайцев, живших по побережью Черного моря. Здесь в некоторых местах, где было мало земли для хлебопашества, фрукты, по словам Новицкого, заменяли даже недостаток в хлебе[72].- Белль, хорошо изучивший все Черноморское побережье от Туапсе до Сочи, указывает, что сады в этой части Черкесии иногда тянулись на несколько верст. На побережье не было, по наблюдениям Белля, ни одной черкесской усадьбы без сада. Такая же картина рисуется и по дневг лику 1837 *т.* анонимного автора, рукопись которого из собрания П. Н. Тиханова, хранящегося в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, мы уже отчасти цитировали. Наконец, комиссия Хатисова и Ротиньянца в 60-х годах XIX в. тоже отмечает, что по всему Черноморскому побережью Черкесии она находила остатки прекрасных садов. В верховьях реки Макопсе комиссия, по сообщению Клингена, «была поражена обилием фруктовых деревьев. Она нашла там великолепные желтые и красные спелые сливы, прекрасного вкуса и аромата, крупные граненые яблоки вроде кальвиля, персики и груши. Сады были, огорожены»[73].

Большое количество «старых запущенных садов», принадлежавших адыгам, встречал во время своего объезда '.горных районов Закубанья А. Н. Дьячков-Тарасов еще в конце XIX в. Особенно много было таких садов на территории, занимаемой прежде абадзехами. По словам Дьячкова-Тарасова, «Осенью закубанские степные станицы посылают сюда вереницы возов за грушами и яблоками. Чудное зрелище являют собой склоны Пшафа и Котха весной, когда они сплошь покрыты бледно-розовой пеленой цветущих яблонь и груш»[74].

Обилие садов в горах Закубанья и по Черноморскому побережью объяснялось тем, что адыги здесь широко прибегали к прививкам диких плодовых деревьев. Это искусство, по словам специалистов, находилось у адыгов в рассматриваемое время на весьма высоком уровне[75]. Адыги •умели выводить замечательные сорта яблок, груш, слив, персиков. Познания адыгских садоводов XVIII — первой половины XIX в. заслужили одобрение .позднейших специалистов, а лица, пытавшиеся критиковать методы ведения адыгами садоводческого хозяйства, попадали нередко впросак. Клинген по этому поводу замечает не без иронии, что, например, агроном Гейдук, «с необыкновенной строгостью раскритиковавший в своей статье в «Русском вестнике» (1871, № 3) черкесское садоводство»,, ставит горцам как бы упрек, что у них ае было прививных абрикосов и персиков», но проделанный на Черноморском побережье опыт «доказал,. что персики из привитых не удаются, дают посредственные плоды и скоро пропадают, тогда как из косточек получаются и хорошие деревья. и превосходные плоды»[76].

* * *

Из сделанного нами обзора видно, что у значительной части адыгских племен земледелие в XVIII — первой половине XIX в. играло ведущую роль в хозяйстве и достигло довольно высокой ступени развития. Суще-

---

[72] Г. В. Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной, народом Адехе, «Тифлисские ведомости», 1829, № 24.

[73] И. Клинген, Указ. раб., стр. 53.

[74] А. Н. Дьячков-Тарасов, Указ. раб., стр. 2. Gp. Я. Абрамов, Кавказские-горцы, «Дело», 1884, № 1.

[75] Н. А. Тхагушев, Адыгейские (черкесские) сорта яблони и груши, Майкоп,- 1948, стр. 18—23.

[76] И. Клинген, Указ. раб., стр. 53.

ствовавшая у абадзехов, шапсугов и натухайцев «лесо-хлебная» система земледелия в совокупности с целым рядом агрокультурных и агротехнических мероприятий давала возможность осваивать в горных районах Черкесия максимум возможных площадей под хлебные поля и сады и получать с них отличные урожаи.

' Вопреки распространенному мнению, земледелие у горных адытских 1племен было не только не примитивным, но для своего времени вполне рациональным и в наилучшей степени соответствующим природным условиям края. На основании тщательного и объективного изучения состояния земледельческого хозяйства у причерноморских адыгских племен в середине XIX в. И. Н. Клинген, один *щ* образованнейших русских агрономов, работавших до революции на Кавказе[77], пришел к заключению, что адыгский народ за свою многовековую историю «имел возможность выработать самую практическую систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур...»[78].

SUMMARY

In historical and ethnographical literature the question of the role of land cultiva" tion in the economy of the Adighes (Circassians) in the 18th—the first half of the 19th centuries is still debatable. Many authors believe that the basis of the Adighes' economy at that time was live-stock raising and farming was poorly developed and primitive. The opposite opinion is also expressed that the chief occupation of the Adighes at that time was farming, which had attained quite a high level of development. This question, however, can be answered correctly only through the study of the condition of agriculture among different Adighe tribes. Such study shows that the correlation between land cultivation and live-stock raising was different among the Adighes living on the plain and in the mountains. Contrary to the widespread view, land cultivation among the Adighes at the period under review was more developed not on the plain but in the mountain zone inhabited by the more numerous Adighe tribes: Abadzekhi, Shapsugi and Natukhaitsi. In the 18th—first half of the 19th centuries the Adighes living in the mountainous zone had a very rational, well adapted to local conditions system of agriculture based on conservation and even artificial" planting of forests. That system coupled with a series of agricultural measures made possible to use in the mountains of the Western Caucasus the largest possible area for grain growing and for planting orchards and to receive excellent yields.

[77] Иван Николаевич Клинген (11851—1922) окончил Московский университет и Московскую сельскохозяйственную академию; один из пионеров распространения культуры: чая и субтропических растений на Кавказе. О нем см.: Е. Л а с т о в к а и Б. Бы л о в, И. Н. Клинген, «Сов. агрономия», 1949, № 6.

[78] И. К л и н г е н, Указ. раб., стр. 91.